

Глобализация как имманентный процесс в культуре*

Как уже было ранее показано, глобализация включает в себя цивилизационные и культурные процессы, которые взаимно влияют друг на друга, причем один из них может доминировать в различные исторические периоды. Однако нельзя забывать о том, что цивилизация все же возникает на определенной стадии эволюции культуры. В этом смысле система принимаемых в обществе ценностей задает направленность как становлению конкретно-исторического содержания и структуры культуры, так и формированию соответствующих механизмов, институтов цивилизации. А исторические формы мировой культуры могут рассматриваться в обусловленности духовными поисками своей эпохи, как стадии имманентного движения в культуре к новым целям, смыслам человеческого бытия, которые предстают для ознакомления и освоения соседним народам и тем самым содержат в себе импульс к распространению на миры других культур, т.е. тенденцию к «глобализации».

Культура рассматривается здесь как жизненное пространство, которое разворачивается в историческом времени в соответствии с пониманием человеком самого себя – своего отношения к миру известному и неизвестному, материальному и идеальному, к природе и Богу. Каждая историческая культура в этом смысле – вариант ответа на фундаментальный вопрос бытия, каждая имеет свою историческую истину, Возникновение, смена, взаимодействие различных культур, возвращение к забытому и вновь открытому культурному наследию, вероятно, и выражает имманентную тенденцию глобализации в мировой культуре, и мы попытаемся обнаружить ее черты на примере одного из направлений движения в истории – в поиске и нахождении граней общего или универсального смысла человеческой жизни.

Среди древних культур для нашей цели достаточно будет представить завершающую стадию эволюции древнего мира - античную культуру Греции и Рима.

Сосредоточенность древнеиндийской и древнекитайской культуры на самоуглубленность в недеянии, сделали более значимым влияние на мифологию и культуру Греции и Рима цивилизации Египта, ориентированной на развитие науки и техники для освоения и преобразования природы.

Фокус древнегреческой философии - проблема бытия: сначала - космоса как прекрасно организованного живого тела, затем - человека как тела, наделенного душой, наконец - эйдоса, как причины материального мира. Красота не должна таить в себе небытия, она может быть только сущим. Искусство (техне) через мимесис дает образ становящегося возможного бытия в единстве общего и единичного как индивидуум. Художник - творец, поскольку мимесис - аналогия энтелехии - осуществление потенциального бытия в предметный мир прекрасного космоса. Так онтологичность, космологизм древнегреческой культуры предполагает ее пластичность: созидание, рождение бытия в конкретной совокупности индивидуальных тел и вещей, подчиненной законам Нуса и пронизанной мировой душой. Творческая активность человека прежде всего в скульптуре и архитектуре представляет главную ценность - радость творения через преодоление страдания и трагизма бытия.

Культура античного Рима наследовала сущностные черты эллинской: ориентацию на пластичность, активность, индивидуальность. Но на эллинистической стадии они обретают иное измерение, обусловленное разрастанием в культуре Рима и давлением на человека элементов цивилизации (государства, права, техники). Греческое строение храма по аналогии с пластикой человеческого тела уступает место строительству города, в котором доминирует внерелигиозная архитектура (колизей,

триумфальная арка, виллы, термы), символизирующая мощь римской империи, подчиненность индивида государству. В скульптуре изображение богов уступает место портрету, в котором жизнь человека выражена уже не всем обликом, а лишь лицом: в глазах его открывается внутренний мир. Тело города теснит тело человека, загоня всю его активность в глубины души. Радость творения пластических форм бытия в преодолении трагизма жизни и вечного становления у грека преобразуется у римлянина в чувство внутреннего освобождения от давления государственной организованности и погружения в глубины индивидуальной души: преодоление страдания происходит в творчестве духовных состояний. На этот период приходится расцвет лирики.

Рождение в Риме на закате античности чувства хрупкости, конечности индивидуального бытия, стойкость в жизни к смерти знаменовали утверждение экзистенциальной коммуникации, предвосхищенной в Греции Сократом. Однако, эта экзистенциальная коммуникация теряет религиозное основание, имевшее место у египтян, и становится глубоко пессимистичной. Главная проблема духовной жизни древнего Рима заключалась теперь в том, что открытие духовного космоса в душе человека требовало кардинально нового религиозного обоснования, которое могла принести только идея Бога как идеального первоначала - Творца сущего мыслью и словом и милосердного - Спасителя. Поэтому только древнеримская культура, завершавшая историю древнего («доосевого») мира, имела своим итогом возникновение духовной почвы для принятия монотеизма, причем именно в варианте христианства.

Новые теоцентричные культуры, пришедшие на смену мифологическим, обретшие духовный смысл в иудаизме, христианстве, исламе имели ряд фундаментальных общих принципов (ретроспективность, авторитаризм, каноничность и др.). Сравнительно с политеизмом в них неизмеримо возрос нравственный пафос, и заповеди Моисея сохраняют свое значение равно как для иудеев, так для христиан и мусульман. Главной ценностью

провозглашена любовь к Богу, а значит и к человеку, в Него уверовавшему. Однако кардинальное отличие христианской культуры, ее динамизм и направленность развития оказались predetermined персонализмом: верой во Христа как Божественную личность. В силу отсутствия примера Божественности личностного усилия иудейская и мусульманская культуры упрочили свой традиционализм. И в той, и в другой храмы не имеют изображения Бога - незримого, слово которого звучит в храме для иудея и становится истоком музыки, или начертано на стенах мусульманского храма для молчаливого чтения, что делает возможным чрезвычайный расцвет орнаментики.

Только в христианстве личность существует как безусловная ценность (хотя на ранней его стадии латентно), и потому оно находит в римском стоицизме подготовленную почву. В христианском храме, построенном из обломков языческой архитектуры Рима, центральное место занимает (по примеру «нерукотворного лика») изображение человеческого облика Христа (мозаика, скульптура), и после утверждения иконопочитания Вселенским собором в III веке достигает художественных высот в готической скульптуре и православной иконописи. Установление Григорием Великим канона христианского хора в IV веке послужило основой для интенсивного развития музыки в вариантах интерпретаций от одноголосного пения до органума.

Средневековая культура «безмолвствующего большинства», разделившись в XI веке на православную и католическую, в первой из них консервировало общие черты раннего христианства, а во второй, дополнив символ веры «еретическим» «филиокве», провозгласило «подражание Христу» в единстве его духовно-телесной природы, провозгласив главным праздником Рождество, и тем самым, освятив нарастание значимости личностного начала (как сущностно отличного в христианстве от иудаизма и ислама) во всех формах культуры.

Закономерным этапом в осуществлении этой тенденции стало в схоластике выражение христианского мирозерцания Фомой Аквинским в категориях Аристотеля, поскольку именно у последнего исходным понятием философии был «индивидуум», а в поэзии Данте провозглашена Божественность любви к земной женщине. Эпоха Возрождения античности оказалась, таким образом, следствием исторической трансформации христианства в католицизме. После рассмотрения Фомой совершенства природы в качестве доказательств (апостериори) бытия Бога, лишь следующим шагом стал пантеизм (Н.Кузанского, Бруно), наконец, Галилея, в концепции «двух книг» представившего религиозное обоснование необходимости научного естествознания. Отношение к Сократу Эразма Роттердамского как аналогу Христа вынесло нравственное содержание христианства за догматически-обрядовые рамки религии и придало духовную глубину гуманизму. Готическое единство архитектуры и скульптуры в ренессансном храме дополняется иконописью, в которой религиозные персонажи и сюжеты изображаются на фоне природы не мистифицированной, а вполне реальной, с объемами и светотенью. Эта иконопись содержала импульс к появлению портрета и пейзажа. Даже гипертрофированные формы телесности, как в живописи (Рубенс), так и в литературе (Рабле), тем не менее, подлежат оценке с христианской точки зрения. Поэтому Ренессанс как фаза эволюции христианства (обновление его античной культурой) имел своей гранью и следствием эпоху Реформации. Ренессансная ценность творческой индивидуальности, преимущественно в искусстве, распространилась затем за его пределы, обосновывая права личностного проявления представителей всех сословий в различных видах деятельности.

Лютер, провозгласив «спасение личной верой», и, допустив мирскую аскезу наряду с монашеской, по существу, осуществил нравственно- религиозное освящение любого труда, что нашло отражение в обосновании Ф.Бэконом научно-технического прогресса, а в педагогике Д.Локка преломилось в кодекс честного ведения дел джентльменом - в этику бизнеса. В результате

лютеранской реформы в музыке полифония оттесняется гомофонией, которая создает предпосылки для возникновения оперы и симфонии как светских музыкальных жанров.

В живописи появляется жанр - семейные, бытовые сюжеты. Реформация в целом усилила демократические настроения, поставив на повестку дня необходимость обоснования прав каждого гражданина на частный интерес в предпринимательстве, на участие в избрании государственного управления, на собственную точку зрения в науке, морали, искусстве. Завершением этой культурной эпохи становится формирование гражданского общества в двух вариантах: конституционная монархия и республика, которые продолжают свое существование до конца XX века, в направлении действительного осуществления принципа равенства каждого гражданина перед законом. Новое время стало периодом интенсивного развития, как науки и техники, так и искусства в полемике исторически сменявшихся стилей барокко и классицизма, романтизма и реализма, натурализма и модернизма в различных видах и художественных жанрах, поскольку они становились языком творческого выражения индивидуальности и духовной свободы личности. Во второй половине XX века к текстам, написанным при посредстве всего комплекса «языков» культуры относятся поэтому уже не только литература, музыка, изобразительное искусство, театр, кино, мода, но и городская среда, включая промышленные ее части.

Исследование текстов искусства и философии в контексте всей истории культуры явилось симптомом перехода модернизма в стадию постмодернизма. Эклектическое соединение разнородных тенденций прошлого и настоящего - «цитирование» по игровому принципу, достигающее апогея артистизма, приводит к образованию парадоксальной парадигмы творчества, стирающей различия между теоретиком и художником, мастером и дилетантом. Смещение в игре основных смыслов требует каждый раз заново лично разрешать культурные дихотомии. Принципиальная антитоталитарность, антинормативность, отказ от любого

рода насилия, включая власть языка, свидетельствуют о том, что постмодернизм, являясь современным итогом эволюции культуры, заданной исторической трансформацией христианства (через католицизм и протестантизм), с его фундаментальными ценностями безграничной творческой свободы личности, деятельной любви, на рубеже XXI века в определенной мере истощил свои ресурсы, пополненные христианским возрождением античности (испытавшей вместе с ним воздействие культуры древнего Египта). Обращение к ценностям созерцания, а не активного преобразования мира, восприятие личности не как константного субъекта, а как монады, бесконечно изменяющейся во взаимодействии с другими, любовь к человеку, исключая притязание на обладание и принимающая его в непрерывном становлении стало реальностью художественной культуры и философии в Западной Европе XX века. Постмодерн обнаруживает себя поэтому подготовленной почвой для новой фазы обновления христианской культуры ценностями восточных культур «осевого времени» буддизма, чань, дзэн.

Консервация в православии раннехристианских установлений, претворившись в формулировании постулатов соборности, противостояния мира горнего и дольнего, «подражание Христу» только в духе и признании главным праздником Пасху и др., сделало направленность развития этого варианта христианской культуры существенно отличным от западноевропейского, прежде всего в том, что были сохранены ориентация исключительно на духовные ценности в пренебрежении к материальным и безусловный приоритет общинного над личностным. До реформы Петра I традиционная православная культура в России пренебрегала совершенством материальных условий жизни и резко ограничивала возможности индивидуального проявления личности в духовной жизни, практически исключая инициативу в науке и искусстве. До XV11 века Россия, как известно, не считалась частью Европы, и только основание Петербурга принципиально изменило ее положение. Новая столица не просто

превращала Россию в морскую державу, она создавала особое пространство для насыщения русской традиционной культуры достижениями соседних государств в области наук, искусств, ремесел. Став в этом смысле первым европейским городом России, Петербург обрел в то же время неповторимую духовную ауру, рожденную осознанным взаимодействием культур, сочетанием верности собственной традиции с толерантностью к «другой» вере, национальности, точке зрения. Однако сплавление культурой Петербурга в органическую целостность слоев европейского культурного опыта, достигнутого различными народами в разные исторические эпохи, оказалось возможным, поскольку все вошедшие в нее компоненты имели общий «геном» - христианскую религию.

Необходимо отметить, что принятие христианства на Руси в 988 г. предопределило приобщение ее к европейской культуре, в которой не произошло еще разделение на конфессии, а религиозная общность была значительнее этнической принадлежности, и из нее воспринимала культура древней Руси свои первоначальные черты. Культура России вошла, таким образом, к общехристианским истокам и направилась по историческому пути наряду с другими народами Европы, хотя и с временным интервалом от принятия христианства в Риме почти в семь веков, и лишь в силу своей "несовременности" ("варварства") не могла восприниматься как часть европейского мира, устройство которого соответствовало вступлению его во второе тысячелетие христианского существования.

Петр Великий должен был заново знакомиться с западноевропейской культурной жизнью в эпоху, которая также отличалась к этому времени интегральностью: XV11 век явился там гранью, разделявшей и одновременно соединявшей Средневековье, которое завершилось эпохой Возрождения, и Новое время, которое получило логическое завершение в эпоху Просвещения. Средневековая христианская традиция, которой принадлежало и русское православие, дополнилось светскими формами культуры, возникшими в пору католического Возрождения на юге Европы и широко

распространившимися затем в протестантской северной Европе. Следует отметить, что Петра I привлекали не только Италия и Франция, архитекторы, из которых создали все главные символы имперской столицы, но и Прибалтия - Нидерланды, Англия, Швеция, и особенно - Германия, поскольку с принятием лютеранства ремесло получило здесь религиозно-нравственное освящение, а народы этих стран - духовную опору в своих мирских занятиях. Не случайно среди всех приглашаемых Петром в Петербург иностранцев наибольшим расположением пользовались выходцы из протестантских стран.

У лютеран же христианская любовь к Богу получила импульс к расширительному толкованию: она все более явно проявляется и в любви к человеку в единстве его духовно-телесной природы, а также переходит на весь природный мир, что отразилось в становлении в XVII веке художественных жанров портрета, пейзажа, натюрморта. И уже сам Петр начинает коллекционировать произведения современного ему западноевропейского изобразительного искусства. Но еще большее внимание уделяет российский государь науке. Благоговейное изучение природы, провозглашенное еще Галилеем и приобретенное со времени Бэкона практическую направленность, ценятся Петром прежде всего за возможности использования науки в обустройстве человеческой жизни, в развитии ремесел.

Расцвет наук и искусств в Европе оказался, однако возможен постольку, поскольку первоначальная общинная парадигма сознания и общения людей "Мы - они" была оттеснена парадигмой "Я - Ты", утверждавшей ценности межличностных отношений, личностного начала во всех видах человеческой деятельности, творчества, что явилось прямым духовным следствием эпохи Возрождения и Реформации. Произошедшие изменения в традиции христианской культуры Европы нашли свое классическое отражение в философии Г.Лейбница, и именно к этому мыслителю обратился русский царь за советами по проведению реформ в России. Соотечественники -

единоверцы и единомышленники немецкого энциклопедиста - по инициативе Петра возглавили в XVIII веке становление российской науки.

Духовная атмосфера Европы, в которую окунулся юный Петр, отнюдь не случайно захватила его воображение. Можно предположить, что в ней Петр сумел угадать некоторую внутреннюю логику эволюции христианской культуры, необходимую стадию будущего развития культуры России, и в этом смысле - «свое» - близкое, а не чуждое ей. Поэтому поставленная Петром Великим цель Просвещения русского народа, Реформы традиционной культуры имела глубинное основание. Ее достижение предполагало, прежде всего, открытость иноземному опыту наук, искусств, ремесел и его использование в качестве собственного. Так после появления барокко в России происходит смена художественных стилей параллельно западноевропейскому искусству: классицизм, романтизм, реализм, модернизм... И постепенно эти стили становятся совершенно органичными формами культуры Петербурга и самовыражения души русского человека. Иначе говоря, к началу XX века Россия стала неотъемлемой частью европейской культуры, ее национальным вариантом наряду с другими.

Органичность такого результата взаимодействия России с Европой показал еще Вл. Соловьев. Согласно его трактовке христианского единства, эта религия имеет своей миссией осуществить три фундаментальные истины: истину веры, которая была открыта христианством в целом, включая православие; истину разума, предполагающую устройство земной жизни человека по законам разума, осуществленную католицизмом, и истину жизни, которая осталась неразрешенной проблемой до сегодняшнего дня, но решению которой заложил основание протестантизм, провозгласив спасение личной верой, священство всех верующих и мирскую аскезу, равнозначную аскезе монашеской (см. "Великий спор и христианская политика" // О христианском единстве. – М., 1994)

Значимость личностного начала в протестантизме никоим образом, поэтому не рассматривается как отказ от исконного христианства, поскольку именно в

нем и заключается коренное отличие от восточных монотеистических религий, отрицающих Бога как Личность (ЛИК). Именно поэтому православие - католицизм - протестантизм как конфессии предстают у Соловьева в качестве стадий в эволюции христианства. "Обмирщение" искусства понимается поэтому не в отрицании духовности, а в ее более полном выражении - религиозно-нравственном и эстетическомприятии тварного мира, сохраняя главной ценностью любовь к Богу, а значит Человеку и Природе. Так Ю.Лотман и Э.Успенский, исследуя культуру петровской эпохи, услышали "Отзвуки концепции "Москва - третий Рим" в идеологии Петра Первого" (К проблеме средневековой традиции в культуре барокко)//Художественный язык средневековья М.,1982). Культура петровского времени рассматривается ими не столько как разрыв со средневековой православной традицией, сколько как создание Санкт-Петербурга по ассоциации с идеей третьего Рима (вместо Москвы). При этом из государственного и религиозного аспектов этого замысла Петербурга приоритет отдается государственному. Жертвенное служение Отечеству усматривается теперь более в действии, чем в Молитве. На "государственное" у Петра переносятся нравственные ценности, возвращенные в лоне христианской религии: служение Отечеству провозглашается религиозно-нравственным призванием человека, то есть по существу представляет собой вариант мирской аскезы протестантизма. Неслучайно поэтому не только Петр, но и священник Феофан Прокопович, сочувствуют протестантам и поддерживают идейный контакт с Лейбницем.

Таким образом, культура Петербурга имела духовные основания в имманентных изменениях канонического православного сознания русского народа, в ней произошло приближение православия к решению задач современной жизни вслед за "новым Лютером" - Бухаревым, позднее - Вл. Соловьевым, С.Булгаковым, т.е. в свете движения к объединению православных с западноевропейскими братьями во Христе. Так понятый смысл творчества содержал в себе духовный (в том числе, интеллектуальный

и нравственно-эстетический) пафос, сообщавший единство религиозной и светской культуре Петербурга и вызвавший к жизни поразительное богатство культурных форм «серебряного» века.

Однако протестантизм получил в Петербурге и никак не предполагаемый царем–реформатором резонанс. Провозглашение Лютером права на личностный выбор веры и, соответственно, личностную ответственность за праведность избранного жизненного пути создало исторический прецедент права личности на собственную позицию, как в религии и морали, так в науке и искусстве, а в качестве частной инициативы - в ремесле и предпринимательстве, что было выявлено уже социологическими исследованиями М.Вебера (См. «Протестантская этика и дух капитализма»). Но, наконец, осознание прав человека достигло и сферы политики. Критика церковной иерархии послужила примером также для критики государственного абсолютизма и открывала перспективу формирования широкого демократического сознания. Не случайно королевская власть пала жертвой революции впервые в той стране Европы, где сразу распространился и стал доминировать протестантизм – в Англии, а восстановленная монархия должна была, прежде всего, гарантировать всеобщее равенство перед законом.

Через лютеранство в Россию проникало и утверждалось убеждение в неотъемлемости права личности на свободу волеизъявления, в то, что нравственное достоинство человека не зависит от его сословной принадлежности. Именно Петербург стал поэтому местом зарождения обостренного чувства социальной справедливости, и в творчестве петербургских писателей (Радищева, Гоголя, Достоевского...) в полный голос впервые прозвучал протест против униженности и оскорбленности «маленького человека».

XVIII и XIX века, став эпохой Просвещения также и в России, вслед за западноевропейским светским искусством открыли путь к достижению художественных высот во всех существовавших стилях (классицизме и

барокко, сентиментализме, романтизме, реализме, модерне). Наука получила, еще при Петре, практическую направленность, что за два века сделало Россию конкурентоспособной в развитии техники и промышленности. Причем, если XVIII век еще был отмечен подражательностью, то в XIX столетии Россия в области науки и искусства стала вровень Западной Европе, а в начале XX века начала ее во многом опережать. Сама возможность органического синтеза русской культуры с западноевропейской свидетельствовала, что единый духовный исток - вера в учение Христа делает различия между ними христианскими конфессиями второстепенными, что, напротив, использование православным сознанием (ортодоксией христианства) новацией в западной христианской мысли (в католичестве и протестантизме) чрезвычайно плодотворно. Можно сказать, что начало христианской культуры обогатило себя возможностями своего будущего имманентного развития.

Роковая проблема рубежа веков заключалась в том, что плоды названного синтеза осуществлялись только в довольно узком кругу европейски образованных лиц. В этом смысле социокультурная ситуация в России перекликалась с исторической реальностью Италии эпохи Возрождения: противостояния культурной элиты при дворе Медичи и народного движения, возглавленного Савонаролой. В России также для массового сознания сохраняло силу православие, в котором светское искусство и научно-технический прогресс не имеют внутреннего обоснования и воспринимаются как чуждое («дьявольское») русскому духу. Более того, начавшая приживаться на русской почве западноевропейская культура не получает внутри православного сознания религиозно-нравственных критериев (аналогичных протестантизму) и бизнес приобретает аморальный характер, а духовные поиски подчеркнуто индивидуалистичны, что усиливает их неприятие широкими народными слоями. Революция в феврале 1917 года представляла собой закономерный культурный феномен как стадия имманентной эволюции христианской культуры в варианте православия (со

сдвигом по фазе относительно католицизма и протестантизма). Октябрь же 1917 года произвел культурную контрреволюцию: возврату к исконному православному сознанию, предполагавшему единство общинности (соборности) с самодержавием (диктатурой вождя) под маской коммунистической идеологии – возникновению религии без Бога.

Подавление обществом (общностью) личности, политическая цензура скоро обнаружили свою бесперспективность в формировании культуры, ориентированной на научно-технический прогресс (соответственно, западноевропейское образование). Замыкание этого результата с гуманитарной традицией - дореволюционного искусства и философии, знакомство с зарубежной культурой имели своим необходимым следствием крушение тоталитарного сознания, а значит, устремление к идеалу свободы личности, прав человека. Крах социализма был предрешен. Сегодня снова идет речь о формировании гражданского общества, где бизнес генетически связан с этикой, т.е. о культуре, в которой и материальный пласт имеет нравственное обоснование для широких масс в религии. Его, однако, невозможно взять из западного христианства, т.к. это оборачивается отречением от исторической православной традиции, также как и из самого православия, пока оно гнушается выйти за стены храма для участия в мирских делах. Поэтому разрешение современного кризиса в русской культуре, вероятно, следует ожидать там, где его видели священники и философы второй половины XIX и XX веков (Бухарев, Вл. Соловьев, С. Булгаков, Ал. Мень) - в реформе православия, которое по своему содержанию приблизится к осмыслению проблем современного общества и в духовной, и в материальной культуре. Христианское единство России с западными цивилизациями предполагает поэтому переживание и ею своеобразной эпохи Возрождения и Реформации, языки культуры которой начали формироваться в искусстве и философии начала XX века. Таким образом, в христианской религии усиливается тенденция к единению

конфессий, т.е. к глобальности, которая не означает стирания различий, рожденных ею культур.

Сегодня, когда продолжают усиливаться процессы взаимодействия в экономике и политике разных стран, Петербург дает свой ответ на вопрос, не обернется ли эта цивилизационная глобализация унификацией мировой культуры, утратой своеобразия национальных культур. Уникальность Петербурга заключается в том, что он являет собой пример плодотворности сознательной установки на диалог культур, в котором позиция «другого» оказывается имманентной для говорящего, или, его собственная позиция предстает «двухголосной», проектирующей свое развитие путем использования «чужого» как «собственного» - отвечающего имманентному процессу смыслообразования в традиции отечественной культуры. Можно предположить поэтому, что глобализация при серьезном культурологическом осмыслении и ответственной политике могла бы содействовать появлению оригинальных культурных синтезов, имманентных историческому процессу и имеющих глобальный потенциал. В этом плане социокультурный опыт Петербурга приобретает значимость модели общественного развития в мировом масштабе.

* Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований.
Грант 03-06-80369а